

А. Д. КАКСИН (Ханты-Мансийск)

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОПТАТИВНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. В хантыйском языке оптативность в лексическом плане выражается прежде всего с помощью нейтрального глагола *лаухаты* 'хотеть, желать', но также и с помощью фразеологических средств, особенно если речь идет о т. н. физиологических желаниях (например, сон, голод, жажда и т. п.).

В модальной системе хантыйского, как и других языков, достаточно четко выделяются и осознаются как самостоятельные, но в то же время взаимодополняющие друг друга две области, или сферы: глагольные наклонения и модальность предложения как предикативной единицы. Наклонений в разных языках насчитывается разное количество, что нередко определяется теоретическими взглядами исследователя (Черемисина, Тыбыкова 1988 : 3—7; Теория функциональной грамматики 1990 : 59—71). В хантыйском языке (здесь и далее речь идет о северной группе диалектов, прежде всего о казымском) в последние десятилетия принято выделять четыре наклонения: изъявительное, или индикатив; наклонение неочевидного действия, или неочевидное; повелительное, или императив; сослагательное (Черемисина 1986; Хантыйский язык 1988; Хантыйский глагол 1989; Каксин 2000).

Несколько отличная точка зрения представлена в описании обдорского диалекта (Николаева 1995). Автор, опираясь на европейскую традицию, кроме индикатива и императива, выделила еще пять наклонений. *Л а т е н т и в* в целом (и по форме, и по семантике) соответствует неочевидному наклонению казымского диалекта. *А д х о р т а т и в* — так называется сочетание спрягаемой формы глагола (настоящее вр. индикатива) с препозитивной частицей *ат* 'пусть', которое при ином толковании попадает в парадигму императива. *О п т а т и в* образуется сочетанием спрягаемой формы глагола (прошедшее вр. индикатива) с частицами *лолу* 'бы' и *ат* 'пусть'. Его выделение можно считать новацией, потому что при другом подходе семантика косвенного пожелания отнесена к сфере адхортатива (или императива). *К о н д и ц и о н а л и с* представляет собой сочетание спрягаемой формы глагола (все времена индикатива) с частицей *ки* 'если', выражающее реальное условие. Его тоже, как и оптатив, можно считать

особым наклонением, но чаще его относят к сфере индикатива, считая *ки* в этом случае союзом. К о н ъ ю н к т и в — это сочетание спрягаемой формы глагола (прошедшее вр. индикатива) с частицами *лолу* 'бы' и *ки* 'если', выражающее различные оттенки нереального (потенциального) действия. При традиционной трактовке *ки* считается союзом, а оставшаяся часть сослагательным наклонением.

Таким образом, можно констатировать, что количество наклонений в упомянутой работе увеличивается за счет признания категориального (формообразовательного) статуса частиц *ат* 'пусть' и *ки* 'если' (кроме традиционной *лолу* 'бы', можно добавить сюда *ал* 'не' и *антал* 'пусть не, как бы не, хоть бы не'). Именно наличие в составе аналитической глагольной формы или предложения в целом одной из этих частиц или их комбинации (каждый раз разной) создает в хантыйском языке ту широкую область п о т е н ц и а л и с а, которая требует тщательного анализа, осмысления и описания. Надо сказать, что такая работа, как и вообще исследование модальности (в разных ее проявлениях), на материале хантыйского языка уже проводится (напр., Кошкарёва 1988; Каксин 1996; Черемисина, Соловар 1998).

В данной статье хотелось бы затронуть лишь небольшой фрагмент того широкого модального поля в хантыйском языке, которое выходит за пределы собственно наклонений и представлено большим спектром языковых средств (в частности, лексических), а именно — некоторые лексемы со значением желания.

Как известно, лексемы со значением желания входят в функционально-семантическое поле модальности оптативности. В русском языке к ним относят глаголы *желать*, *хотеть*, *хотеться*, предикативное наречие *желательно* и некоторые другие лексические средства; из них основным модальным глаголом данной семантики признается *хотеть* (Теория функциональной грамматики 1990 : 183—184). В хантыйском языке (далее материал казымского диалекта) такой стилистически нейтральный, глагол также имеется (*лаухаты* 'хотеть, желать') и заслуживает отдельного разговора, но сначала хотелось бы остановиться на лексемах (точнее, сочетаниях слов), связанных с выражением физиологических желаний, не всех, но самых основных.

В этом случае в хантыйском языке используются конструкции идиоматического характера, основанные на сочетании имени, называющего какой-либо орган или чувство, состояние человека (реже — животного), и глагола в особой, пассивной, форме:

сам-ем вох-л-а 'хочу есть' (букв. 'сердце-мое зовут, просят'), *сам-ен вох-л-а* 'хочешь есть' (букв. 'сердце-твое зовут, просят') и т.д. по парадигмам посессивного именного словоизменения и спряжения (здесь и далее мы не будем касаться ограничений в образовании или специфике функционирования тех или иных членов парадигм);

нялм-ем сор-с-а 'хочу пить' (букв. 'язык-мой присох'), *нялм-ен сор-с-а* 'хочешь пить' (букв. 'язык-твой присох') и т.д.

Интересно отметить, что в первом случае использована форма настоящего времени глагола, а во втором — прошедшего времени в перфектном значении, что прямо связано с семантикой самих глаголов (переходного в первом случае и непереходного процессуально-результативного — во втором).

олм-ем йи-л-ы 'хочу спать' (букв. 'сон-мой (точнее: к сну-моему) идут'), *олм-ен йи-л-ы* 'хочешь спать' (букв. 'к сну-твоему идут') и т.д.

При отрицании (т.е. при передаче отсутствия соответствующего физиологического желания) отрицательная частица *ан* 'не' вставляется между компонентами конструкции: *самем ан вохла* 'не хочу есть', *самен ан вохла* 'не хочешь есть' и т.д.; *нялмем ан сорса* 'не хочу пить', *нялмен ан сорса* 'не хочешь пить' и т.д.; *олмем ан йилы* 'не хочу спать', *олмен ан йилы* 'не хочешь спать' и т.д.

Здесь важно подчеркнуть, что данные отрицательные формы вообще употребляются реже положительных (за исключением, пожалуй, конструкции о сне, которая в этом случае органичнее переводится как 'не спится мне, не спится тебе' и т.д., а конструкция о жажде является ненормативной и заменяется сочетанием *яньсьты лауха-*, о чем далее). Сон же является одним из самых сильных физиологических желаний (во всяком случае человека). В хантыйском языке о желании спать можно сказать также с помощью других идиоматических конструкций, отличных от рассмотренной, а также различающихся между собой.

В первом варианте сочетаются инфинитивная форма основного смыслового глагола и пассивная форма вспомогательного (в данном случае) *вуратты*. Хантыйско-русский словарь (Молданова, Нёмысова, Ремезанова 1983) дает четыре значения этого слова, из которых одно ('стремиться сделать что-л.') способно приобретать модальный оттенок и в этом качестве выступать в функции вспомогательного компонента. В нашем случае это именно так: *вуюм-ты вурат-л-ай-ум* 'спать хочется мне' (букв. 'заснуть устремлен я'), *вуюм-ты вурат-л-ай-н* 'спать хочется тебе' (букв. 'заснуть устремлен ты') и т.д.

Данная конструкция, по всей видимости, более уместна в ситуациях, когда желание спать непреодолимо, но субъект все же должен противостоять ему. В силу этого обстоятельства не употребляется и отрицательная форма; для выражения смысла, как уже сказано, используется конструкция *олмем ан йилы* 'не спится мне', *олмен ан йилы* 'не спится тебе' и т.д. А вспомогательный глагол *вуратты* 'стремиться' в пассивной форме употребляется в составе и других конструкций подобного типа, например, *охатты вуратлаюм*, или *охата паватты вуратлаюм* 'рвать тянет меня'.

Разновидностью данного варианта можно считать конструкцию с использованием активных форм вспомогательного глагола, которая, по нашим наблюдениям, употребительна более всего в разговорной речи, так как обладает большей экспрессивностью. В качестве же главного компонента здесь выступает глагол *улты* 'лежать, спать' с реализацией второго значения: *ул-ты вурат-л-ум* 'спать стремлюсь я', *ул-ты вурат-л-ан* 'спать стремишься ты' и т.д.

В этом случае выражается как бы «потакание» своему желанию со стороны субъекта, его готовность последовать за охватившим его чувством. Впрочем, эту разновидность значения оптативности можно рассматривать и как оттенок самостоятельного модального значения намерения, стремления.

Во втором варианте сочетаются форма (местно-)творительного падежа основного смыслового слова *олум* 'сон' (в функции агенса) и

пассивная форма вспомогательного глагола *юхатты* 'прийти' в прошедшем времени: *олум-н юхат-с-ай-ум* 'спать хочется мне' (букв. 'сном «прийден» я'), *олум-н юхат-с-ай-н* 'спать хочется тебе' (букв. 'сном «прийден» ты') и т.д.

Форма прошедшего времени глагола здесь также реализует перфектное значение, что вообще характерно для этой формы в подобных контекстах. Что же касается временной семантики в целом, то все приведенные конструкции могут свободно варьировать в этом отношении, но об этом чуть ниже.

Все три физиологических желания могут быть переданы также при помощи модального глагола *лаңхаты* 'хотеть', что и является основным лексическим способом выражения оптативного значения в хантыйском языке. В роли основного смыслового компонента выступает глагол с соответствующим лексическим значением в форме инфинитива, а спряжение осуществляется с помощью лично-числовых показателей модального глагола: *лэ-ты лаңха-л-ум* 'есть хочу', *лэ-ты лаңха-л-ан* 'есть хочешь' и т.д.; *яньсь-ты лаңха-л-ум* 'пить хочу'; *яньсь-ты лаңха-л-ан* 'пить хочешь' и т.д.; *ул-ты лаңха-л-ум* 'спать хочу', *ул-ты лаңха-л-ан* 'спать хочешь' и т.д.

При том, что лексической разницы между данными и приведенными в самом начале «древними» конструкциями нет, в разговорной речи предпочтение отдается последним. Вообще, по поводу семантики необходимо о каждой паре говорить отдельно, что может явиться предметом специального исследования. Вернемся к вопросу о формальном варьировании конструкций, а именно — в аспекте времени. Свободное варьирование по признаку темпоральности в ряде случаев ограничено факторами прагматического свойства, хотя к плану прошлого без всякого изменения смысла (кроме изменения временной перспективы, разумеется) могут быть отнесены все рассмотренные конструкции, как положительные, так и отрицательные. Лишь в конструкциях с *нялм-* *сорс-* и *олумн (ан) юхат-с-ай-*, чтобы актуализировать значение именно прошедшего времени (в отличие от перфектного), необходимы дополнительные средства, например, временной детерминант или общий контекст: *вера сирн нялмем сорса, хоңса талты на лаңхасум* 'сильно тогда хотел пить (я), курить тоже хотел'; *мулты вурн олумн ан юхатсаюв, ат хуват си кейсув* 'как-то не хотелось спать нам (тогда), ночи напролет шумели'.

По нашим наблюдениям, форма прошедшего времени не образуется от конструкции *вуюмты вурат-л-ай-*, так как она достаточно экспрессивна и сильно ориентирована на момент речи.

Что касается последних трех конструкций (с *лаңха-*), то они совершенно свободны в отношении временного варьирования, что еще раз говорит об их нейтральности и более широких возможностях употребления в функционально-стилистическом плане: *лув Тэрум есялт вант-ты ан лаңхал сэмңалн* (Сенгепов 1994 : 49) 'он на Небо (букв. 'перед Небом') смотреть не хочет глазами своими'.

С другой стороны, конструкции с глаголом *лаңхаты* 'хотеть, желать' семантически пересекаются с лексико-грамматическими конструкциями с именными полузнаменательными словами *каш* 'желание', *вер* 'дело', *вўр*, *вўра* 'каприз'. Их взаимоотношение и, возможно,

конкуренция должны стать предметом специального исследования, так же как дальнейший анализ модальных функционально-семантических полей возможности, необходимости, долженствования.

Следует подчеркнуть, что оба типа конструкций (идиоматические и с глаголом *лаңхаты-*) одинаково допускают наличие обстоятельственных и других распространителей, а также вводных компонентов, которые могут стоять и в препозиции, и между компонентами конструкции, и в постпозиции (в разговорной речи): *самал па вохла* (Неттина-Лапина 1999 : 58) 'и есть хочется (ей)'; *нюр олма йисум* 'совсем спать захотел'; *нялмем иса сорса* 'пить сильно хочется мне' (букв. 'язык-мой совсем присох'); *вера яньци лаңхалум* 'очень пить хочу я'; *самл вохла, алпа* 'есть хочет, наверное'; *улты ци вуратлаңн* 'спать ведь хотят они-двое'; *улты, мосаң, лаңхалан?* 'спать, может, хочешь?'

Подводя итог, нужно отметить, что рассмотренные фразеологизированные конструкции выражают внутреннюю оптативность, не связанную «с волевым началом», передают желание, «явившееся результатом внутреннего состояния субъекта». Глагол же *лаңхаты* 'хотеть' уже «содержит в своей семантической структуре компоненты воли и целенаправленности» (Теория функциональной грамматики 1990 : 183) и служит переходом к предложениям, в том числе осложненным и сложным (с зависимой предикативной единицей), выражающим желания, направленные на действия других лиц и на события: *Вантэ, Ас кимилын, карысь тахаин ёх волты л а н г х а с ы т, лолын вон йингкин ал амыр-ласаит* (газета «Ханты ясанг») 'Видишь ли, на берегу Оби, на высоком месте люди жить х о т е л и, чтобы большой водой их не заливало'.

Вообще, модальность в хантыйском языке может быть и не выражена, а передана с помощью интонации, часто порядка слов (компонентов предложения), причем в определенных случаях значимо даже нарушение этого порядка. Порой модальность просто подразумевается, вытекает из контекста. Особенно наглядно это можно видеть в переводах, осуществляемых с хантыйского на русский язык (или наоборот), как, например, в следующем примере, где в хантыйском тексте вербально не выражено модальное значение намерения, присутствующее в русском переводе фразы (тегинский говор казымского диалекта): *Хув шушс, ван шушс, ад па патлаты питс, вева ис* (Неттина-Лапина 1999 : 56—57) 'Долго ли, коротко шла, начало вечереть, решила отдохнуть' (букв.: 'Долго ли, коротко шла, видимо, начало вечереть, устала').

ЛИТЕРАТУРА

- Каксин А. Д. 1996, Способы выражения достоверности в казымском диалекте хантыйского языка. — LU XXXII, 278—282.
— 2000, Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка, Томск.
- Кошкарёва Н. Б. 1988, Модальное сказуемое в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). — Компоненты предложения (на материале языков разных систем), Новосибирск, 33—38.
- Молданова С. П., Нёмсова Е. А., Ремезанова В. Н. 1983, Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский, Ленинград.

- Неттина - Лапина М. А. 1999, Фольклор Тэк ёх, Санкт-Петербург.
Николаева И. А. 1995, Обдорский диалект хантыйского языка, Гамбург.
Сенгепов А. М. 1994, Касум ики путрат, Санкт-Петербург.
Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Ленинград 1990.
Хантыйский глагол. Методические указания к курсу «Общее языкознание», Новосибирск 1989.
Хантыйский язык. Учебник для педагогических училищ, Ленинград 1988.
Черемисина М. И. 1986, О системе спряжения хантыйского глагола (на материале казымского диалекта). — Языки народов севера Сибири, Новосибирск, 3—19.
Черемисина М. И., Соловар В. Н. 1998, Модальные компоненты хантыйского предложения. — LU XXXIV, 39—44.
Черемисина М. И., Тыбыкова А. Т. 1988, О модальных формах сказуемых алтайского языка. — Компоненты предложения (на материале языков разных систем), Новосибирск, 3—32.

A. D. KAKSIN (Chanty-Mansijsk)

**ÜBER EINIGE LEXIKALISCHE MITTEL
ZUM AUSDRUCK DER OPTATIVITÄT IM CHANTISCHEN**

Um in der chantischen Sprache Optativität ausdrücken zu können, werden bevorzugt stilistisch neutrale Verben eingesetzt. So *лаңхаты* 'wollen, wünschen', aber auch phraseologische Ausdrücke kommen zum Einsatz, besonders dann, wenn es sich um so genannte physiologische Bedürfnisse (Traum, Hunger, Durst usw.) handelt.